

Глобальные феминизмы
Сравнительные тематические исследования
Женский активизм и исследования

ТЕРРИТОРИЯ: РОССИЯ

Стенограмма интервью с Натальей Михайловной Римашевской
Интервью провела Наталья Львовна Пушкарева

Местонахождение: Москва, Россия

Дата: Июль 2016 г.

Мичиганский университет
Институт исследований по вопросам женщин и гендерной проблематики
1136 Lane Hall Ann Arbor, MI 48109-1290, USA
Телефон: 1 (734) 764-9537

Электронная почта: um.gfp@umich.edu

Веб-сайт: <http://www.umich.edu/~glblfem>

© Регенты Мичиганского университета, 2015

Проект «Глобальные феминизмы» представляет собой совместный международный проект устных историй, изучающий женский активизм, женские движения и проводящий научные исследования о женщинах в различных странах мира. Мичиганский Университет начал проводить этот проект в 2002 при поддержке гранта из аспирантуры Rackham Graduate School. Виртуальный архив включает интервью с женщинами-активистками и учеными из Бразилии, Индии, Китая, Никарагуа, Польши и Соединенных Штатов.

Наши сотрудники в Бразилии находятся в Лаборатории устной истории и изображений (Laboratório de História Oral e Imagem - [LABHOI](#)), при Федеральном Флуминенском Университете (Federal Fluminense University - UFF) в Рио-де-Жанейро, и Núcleo de História, Memória e Documento (Центр истории, памяти и документации в Федеральном государственном университете в Рио-де-Жанейро, [NUMEM](#)). Интервью в Бразилии были проведены при поддержке учебной инициативы Мичиганского университета "Третье столетие", FAPERJ (Фонд поддержки исследований в Рио-де-Жанейро) и CNPq (Национальный совет по научно-техническому развитию Бразилии).

Наталья Михайловна Римашевская (род. 29 марта 1932, Москва) - доктор экономических наук (1976), профессор Московского государственного университета (1978) и Академии труда и социальных отношений. В 1955 г. окончила юридический факультет МГУ (вместе с Михаилом и Раисой Горбачевыми, с которыми на всю жизнь сохранила теплые отношения) и Московский финансовый институт в 1957 г.

После защиты кандидатской диссертации около десяти лет работала экономистом-демографом в Научно-исследовательском институте Министерства труда, далее 20 лет была сотрудницей Центрального экономико-математического института АН СССР. С началом «перестройки» оказалась на передовом крае науки, создав Лабораторию гендерных проблем в организованном ею же в 1988 г. Институте социально-экономических проблем народонаселения. До 2005 года была директором этого института и заведующей Лабораторией (в настоящий момент – только заведующая Лаборатории и куратор ее проектов). В 1999 г. Н.М.Римашевская получила звание заслуженного деятеля науки Российской Федерации. В 2003 г. избрана членом-корреспондентом Российской Академии наук по Отделению общественных наук], является действительным членом Российской Академии естественных наук, главным редактором журнала «Народонаселение». Эксперт ООН по вопросам старения населения, член Европейской Ассоциации исследований населения (EAPS) и Европейской Ассоциации демографических союзов (EADU).

Автор более 400 публикаций, которые посвящены социально-экономической демографии с упором на гендерный аспект проблемы, экономической социологии, женского и мужского здоровья. Среди ее монографий такие известные, как «Равенство или справедливость?» М.: Финансы и статистика, 1991 (в соавт. с А. А. Римашевским); «Окно в русскую частную жизнь. Супружеские

пары в 1986 г.» (1999); «Гендерные аспекты социально-экономической трансформации в России» (М.: 2000). "Женщина, мужчина, семья в России последней трети XX в. Проект «Таганрог» (2001); «Разорвать круг молчания... О насилии в отношении женщин» (2005); «Здоровье и здравоохранение в гендерном измерении» (2007); «Гендерные стереотипы в меняющемся обществе: опыт комплексного социального исследования» (2009).

Наталья Львовна Пушкарева настоящее время является Руководителем Центра гендерных исследований Института этнологии и антропологии Российской Академии наук, главным научным сотрудником института, доктором исторических наук, профессором. Она автор более 700 научных работ, в том числе 12 монографий, редактором десятков научных сборников. Заслуженный деятель науки Российской Федерации.

В 2002 году она создала "Российскую ассоциацию исследователей женской истории" - некоммерческое общественное объединение, которое провело 12 международных конференций в различных университетских городах России, собрав более 400 участников, изучающих проблемы женской истории и женского движения.

Н.Л. Пушкарева имеет большую научную школу, полтора десятка ее учеников защитили докторские и кандидатские диссертации и читают курсы по женской истории в разных вузах страны.

Н.Л.: Добрый день, Наталья Михайловна, сегодня есть возможность с Вами поговорить о том, как наша тематика влияет на нашу жизнь и на то, что окружает нас в нашем профессиональном и ином мире. Поэтому представьтесь, пожалуйста, сначала, а дальше я задам некоторые вопросы.

Н.М.: Хорошо. Ну, я тоже хочу поприветствовать тебя, очень приятно, что мы встретились вновь. Я, значит, Римашевская Наталья Михайловна, я заведу Лабораторией гендерных отношений в нашем институте, вот в том институте, который я в свое время создала. Вот это было в 1988 году, правильно? Так вот. И самое интересное, что до сих пор – вот хотя институт называется Институт социально-экономических исследований... вот Институте социально-экономических исследований населения – все равно я стала заведовать этой лабораторией гендерных. Причем... после того, как я отказалась быть директором, уже было... второй пришел, и он все время говорит: «Наталья Михайловна, ну зачем Вы - гендерных? Вы же все, это всё - Ваше!». Я говорю, «да, это, может быть, и правильно, но гендер - он пронизывает всю нашу проблематику, все наши исследования и... от начала и до конца. От того, что было до, до того, что будет после нас». Вот. Поэтому, я в общем... ну как бы... мне это интересно просто. Я не к тому, что там это было модно или немодно в свое время – это менялось значение этой проблематики. Менялось, а я вот была ей верна. У меня вообще эта глупость – что я всегда верна.

Н.Л.: Наталья Михайловна, расскажите, был ли какой-то переломный момент, когда... в стране или в Вашей жизни профессиональной, когда создавалась лаборатория?

Н.М.: Это гендерных?

Н.Л.: Да, Лаборатория гендерных исследований.

Н.М.: Да, вот она создавалась совсем накануне вот создания этого института, а это было в конце... во второй половине восьмидесятых годов. На самом деле Вы знаете, что было в то время. То время – это время «перестройки». Это вообще новые, ну, соки, новые влияния, новое воздействие мирового... мировой общественности, мировых отношений на, в том числе, СССР в то время. Вот это было тогда. И после этого, значит, все это, так сказать, происходило. Я думаю, что вот это сыграло роль, вот этот самый... Вот этот перестроечный характер вот этих отношений, вот, все-таки я очень большое значение придаю деятельности Горбачева. Хотя сейчас, постепенно, он забывается. Он забывается. Я считаю, что это неправильно и несправедливо и вот помнят только, что вот какие у него были ошибки, что он не доделал, что он и т.д... На самом деле, в общем все это не так, но это тема уже других... другого рассказа.

Н.Л.: А вот в то время, когда создавалась эта лаборатория, и интерес появился к гендерным проблемам, Вы в это время работали уже в Институте проблем народонаселения?

Н.М.: Нет, еще его не было, этого института.

Н.Л.: А где же тогда лаборатория?

Н.М.: А лаборатория в общем, пока она была вот в том институте, где я была.

Н.Л.: Что это за институт?

Н.М.: А это было вот этот институт, как...

Н.Л.: Социологии?

Н.М.: Нет, как он назывался? Институт социально-экономических... А нет, он тогда был же не... Это был Институт по народнохозяйственным проблемам. Это же в ЦЭМИ (Центральном экономико-математическом институте АН СССР) было.

Н.Л.: Ах. И вот как бы продолжение Вашей... того, что Вы закончили финансово-статистический факультет...

Н.М.: Да! Да, да, я же закончила юридический и финансовый, два, так сказать. Ну в общем. Это и работала я в ЦЭМИ. Вот из-за... И у меня докторская диссертация по математическим проблемам экономики благосостояния была, как ни странно.

Н.Л.: То ли доходы, то ли какие-то...

Н.М.: В том числе, конечно. Вот. Но потом, когда вот... в конце восьмидесятых годов, когда было принято решение о создании этого института – ИСЭПН, тогда я отделилась от ЦЭМИ и там от других всяких структур и вот, так сказать, создала эту лабораторию. Я в общем... Была такая группа вот в то время, до этого института...

Н.Л.: Экономический?

Н.М.: Я Вам скажу. Было вообще три человека (значит, кроме меня, еще была Ася Посадская и Наташа Захарова). Ты их знаешь, да.

Н.Л.: Ну, теперь уже одна – далеко, а другой этак вообще нет.

Н.М.: Да, да, совершенно верно. Ну вот и... Вот, значит, мы написали именно даже вот в 1987 г. - после женской конференции в Африке, туда ездила Наташа Захарова. И после этого она приехала и мы написали статью «Как мы решаем женский вопрос?».

Н.Л.: Которая была опубликована...

Н.М.: В «Коммунисте»! Еще потому что не было Института и не было еще... Вот. И в общем тогда эту статью даже у нас никто не прочел. А она была переведена в 14 странах в то время. В то время И вот и в общем... Еще, так сказать, толчком, что ли, явился... то обстоятельство, что Ася Посадская не могла защитить кандидатскую диссертацию. Она была аспиранткой в Институте экономики, а там, значит,: «какие-то женщины, кому это надо, что тут нового», а слово «гендер» путали со словом «тендер», как известно. Вот она приходила...

Потом это уже я создавала в этот момент институт, она пришла и говорит: «Наталья Михайловна, давайте я у Вас защищаю, потому что...» – говорит и

плачет. Я помню, она все время говорила и плакала.... Потому что диссертация есть, а защищаться никто не дает ей. Вот такая была ситуация. Вот. Ну, в общем, как только я, значит, вот, создали этот институт, в 1988 г. создали, я быстро довольно-таки организовала и печатное издание этого института, и совет в нем, на котором можно было защищаться, ну и вот Ася, можно сказать, первая защитилась по этой проблематике. Вот. А потом... Вы все знаете про нее. Вот что... Да и вот это был такой перелом. Перелом именно с разных сторон... И Вы знаете, я Вам сейчас скажу, вот в этом...

Н.Л.: Что было вот в этом промежутке между написанием статьи, опубликованной в «Коммунисте», которая действительно стала абсолютно классической сейчас, и с этого начинаются наши гендерные исследования, и созданием, собственно, институционализацией, то есть, созданием именно гендерной лаборатории? Были какие-то проекты?

Н.М.: Ничего нет. Пока ничего не было. Нет, нет, нет. Ничего, ничего. Ничего не было до того, как... Вот потому что Лаборатория была создана сразу, вот как только создавался Институт. В 1988 г., и одной из первых лабораторий была гендерная. Вот лаборатория.

Н.Л.: И Вы же ее возглавляли?

Н.М.: Я ее возглавляла с самого, с того начала до конца.

Н.Л.: Кто же там работал, помимо названных лиц?

Н.М.: Названных лиц? Ну, вот, я не знаю, вот. Я могу Вам дать такую книжку «Гендерные аспекты социальной трансформации». Это делала Марина Малышева. Ну и здесь...

Н.Л.: Марина была, как известно, в это время.

Н.М.: Да, да. Да, да, Она... Все защищались у меня.

Н.Л.: И Лена Машкова, наверное.

Н.М.: Кто?

Н.Л.: Лена Машкова.

Н.М.: Машкова. Она была моя аспирантка. Мы поехали туда на Камаз, и в общем она хотела стать докторанткой, но не получилось у нее... Ну, не у всех. Вот здесь, вот прямо...

Н.Л.: Зоя Хоткина, наверное.

Н.М.: А?

Н.Л.: Зоя Хоткина.

Н.М.: Вот да. Вот здесь, значит, Посадская, Римашевская, Раковская (Вы, наверное, не знаете ее, она уехала в Литву), Хоткина, Лена Тюрюканова, вот. Ну и здесь и больше, по-моему, ничего тут такого наших нету... Ах, Мещеркина.

Н.Л.: Мещеркина, которая теперь Рождественская.

Н.Л.: А я не знаю, как ее... В этом мы что-то хотели ее найти и... В общем это самое... Вот собственно говоря, Лунякова... Воронина не была, она там, там, там все время была... Клименкова.

Н.Л.: Таня.

Н.М.: Таня, да. Вот, собственно говоря, это был один из первых.

Н.Л.: Сборников.

Н.М.: Так, мы их называли... Вот поскольку они были такого зеленого цвета, мы их называли «афганки». Вот. Я хочу... Знаешь, я нашла, у меня есть такая статья, которая называется «50 лет в науке». Вот.

Н.Л.: Так.

Н.М.: Она опубликована в 2009 году, значит, это было «50»... Ах, это ничего. Это было, значит, «50 лет», уже давно. Вот: «Гендерная концепция – это не просто лингвистическая новация, она знаменует собой начало изменений научной парадигмы в анализе социальных явлений. Следствие понятия «гендера»... Введение понятия «гендера» означало одно из крупнейших достижений современной социологии». Мне кажется, что это все правильно. Вот: «Все аспекты жизнедеятельности и состояния людей окрашены детерминированностью отношений между полами, вводя определенные различия категорий «секс» и «гендер». На самом деле, «гендер» пронизывает все сферы бытия». Это я просто хотела сказать, вот что на самом деле теперь мой директор сегодняшней, он проникся тем, почему я не меняла название своей лаборатории и не уходила, поскольку...

Н.Л.: Скоро 30 лет будет, как она существует...

Н.М.: Да. Да, да, да, да, да. Вот. И он, значит, уже сейчас понимает, что мы, конечно, развиваемся. Это совершенно... Но это невозможно. Иначе быть не может.

Н.Л.: А можете выделить, вот за эти 25 лет, 25, уже 28 лет, какие были самые главные завоевания и важные, которые Вам кажутся самыми значительными, за время существования лаборатории?

Н.М.: Ну, я могу вообще сказать... Значит, во-первых, вот «гендер и семья». Вот. Дело в том, что в экономике, конечно, семья присутствует, но она совсем иначе присутствует. А «гендер и семья», она подчеркивает вот совсем другие, ну, акценты. Совсем другие акценты. И поэтому... Возможно, почему меня гендер взволновал? Потому что все исследования, которые я проводила вот за эти там 50 или больше, 60 лет, я все проводила их на основе семьи. Они имеют семейный контекст такой. Вот. И в том числе и гендер имеет этот контекст. Это одно направление.

Второе, которое я считаю очень важным и значительным со всех точек зрения – это вообще гендер и здоровье. Потому что... ну, понятно почему. Потому что мы

катимся и еще до сих пор все катимся и катимся вниз. Вместе, ну, так сказать, с оценкой общества как больного организма. Это, значит, два. И гендер здесь очень имеет очень большое значение.

И третье то, что мне хотелось сказать – это вот мы начинали тогда, потом немножко мы прерывали - это гендер... гендер – сейчас скажу еще, вернусь назад – гендер и насилие. Домашнее насилие. Хотя домашнее у нас было, а сейчас мы это все расширяем, и гендер и семья. Она теперь занимает то, что мы сейчас, например, перешли к исследованию отцовства. Наверное, Вы знаете, что сейчас это стало модой, но у нас просто так случилось, что мы получили финансирование на вот эту... на эту тематику. Я очень рада этому, что это совсем новое направление. Вот. Но остальное - я говорю, что настолько гендер пронизывает все аспекты жизни общества, что трудно даже вообще как-то его отделить.

Н.Л.: А Вы сами как заинтересовались, как узнали о гендерной тематике, и как заинтересовались ею?

Н.М.: А я скажу! Я сейчас скажу... вот просто про себя... Дело в том, что я как-то чувствую вот, что будет – через год, через два, через три. Чувствую, куда надо идти. Вот как кошка. Абсолютно. Вот сколько я... Я же очень много новых, так сказать, ну, ходов сделала. Которые никто не делал. Хотя – демограф – я не могу сказать, что я – классический демограф, но ведь занималась населением с самого начала. Но вот сразу я как-то... Вот во-первых, я семью эту вытацила. Вообще до меня проблемами семьи не занимался почти никто. Можно по пальцам перечислить людей, которые занимались семьей. Вот. Но... Вот я поставила все свои исследования на семью. Вот это я, так сказать, считаю, что это вот... это первое. Второе...

Н.Л.: На демографические исследования или на социологические?

Н.М.: А?

Н.Л.: На социологические или демографические?

Н.М.: Скорее демографические. Да, ну, может быть, отчасти, конечно, можно сказать, социологические. Потому что все-таки «Таганрог» – я же не могу его выбросить. Вот. Это, значит, первое. Второе – это вот гендер. Я же говорю, что все просто тогда... просто никто не мог согласиться с темой, «какой-то гендер, зачем этот гендер, никого это не волнует, никому это не нужно, у нас совсем всё другое». Вот. Но я это все-таки стала пробивать. И третье – это вот это здоровье. Здоровье не в смысле сколько коек, сколько врачей, а в смысле состояния здоровья и его... оценка его и... как бы что с ним происходит. Куда девается здоровье, какие факторы, что нас ждет и что нас... куда мы идем. Вот, собственно, я могу это так сказать... Когда... Ну, немножко...

Н.Л.: А когда Вы услышали впервые термин «гендер»?

Н.М.: «Гендер»? Вот Наташа привезла.

Н.Л.: Из Африки.

Н.М.: Из Африки. Когда там был этот - Мировой конгресс.

Н.Л.: А каким было у Вас отношение к феминизму в те 1980-е годы, когда началась «перестройка» и прочее?

Н.М.: Ты знаешь, я вообще как бы феминизм, я его не то чтобы игнорировала, а вот... пусть он существует рядом, рядом. Феминизм есть феминизм, а гендер есть гендер. Может быть, это было связано с тем, что все-таки «гендер» ближе к экономике, чем феминизм. «Феминизм» - это скорее вот социология.

Н.Л.: И политика.

Н.М.: Да, и политика там. Вот же Маша была, эта самая.¹ Ну вот так. Так что в общем я ничего не говорила там никогда, а с Коном мы встречались. И в общем. Я считаю, что каждому достаточно места в этой сфере, и каждый может сделать, что он хочет и на что он способен и т.д.

Н.Л.: Когда человек занимается гендерными исследованиями, он может не разделять идеи феминизма?

Н.М.: Ну, дело в том, что... Что значит не разделять? Не разделяй... ну и что? От этого они...

Н.Л.: То есть не связаны? Гендерные исследования не связаны с феминизмом?

Н.М.: Нет, они не зависят от тех идей, которые заложены в феминизме. Вот и в общем-то. Ну и я считаю, что дело в том, что, когда какие-то столкновения идут, сферы где-то пересекаются, то дело в том, чтобы не мешать другому течению, другому отделению, другой части исследовательских структур. Мне кажется, так. Я вообще никогда не любила, знаешь, с кем-то бороться там и в общем...

Н.Л.: Но иногда можно бороться не с кем-то, а...

Н.М.: С чем?

Н.Л. А за что-то. Нет, за что-то. Позитивный прогресс. С позитивным знаком. И поэтому здесь возникает вопрос именно: если мы разделяем те идеи теоретического феминизма, которые нас ориентируют все-таки на... на поддержку женщин в любых обстоятельствах, и, поскольку в течение длительного времени, веков, можно сказать, женщины и женское были угнетены, неравноправны, неполноправны, то сейчас мы хотим сделать все возможное, чтобы добиться не столько полного выравнивания прав, сколько понимания личности «женского». И вот, собственно, современный либеральный феминизм, он вот эту задачу...

Н.М.: Решает.

¹ Имеется в виду, Мария Арбатова, которая себя на телевидении позиционировала, как феминистку.

Н.Л.: Да, решает. Постепенно, медленно решает эту задачу, так или иначе. И в этих условиях, конечно, хотелось бы видеть в гендерных исследованиях, в том числе в такой области, как демография, демографические или социо-демографические исследования, видеть желание поддержать женщин. И войти в их положение и понять их. Вот. И поэтому мне думается, что здесь личная жизнь каждого из нас и наша профессиональная карьера может быть довольно тесно связана – и выбор темы – может быть тесно связан с тем, что мы пишем в дальнейшем в наших исследованиях и какие вопросы и задачи в них ставим. Отсюда мой вопрос: Ваши, как-то, занятия, вот допустим, демографией семьи, это как-то влияло на Вашу собственную жизнь, и наоборот? Были ли вопросы, которые Вы решали в жизни, причиной того, что Вы этот же вопрос поставили в науке уже? То есть, проблемы, с которыми Вы сталкивались лично, как толчок, как инициатор создания каких-то научных...

Н.М.: Ну вот что касается вот «феминизм» и «гендер», мне кажется, что здесь проблема в значительной мере здесь проблема названия. То есть те повороты, те исследования, те результаты в области гендера, которые мы вот совершали в рамках социо-экономических исследований... Они, может быть, мы их не так называли? Может быть, это и был феминизм, а мы вот... мы это слово не использовали. Или наоборот – использовали там, где... в общем. Поэтому мне кажется, что это – в значительной мере проблема терминологии. Вот.

Но что касается там моей личной и т.д. и т.д., ну, я вообще... Как-то, я бы сказала, я мало в общем это анализировала. Вот в этом использовала... Ну как бы хотела вот в эти... эти научные достижения применить к себе и к окружающим меня? Ну, не очень, хотя у меня непростая жизнь. Я очень непростую жизнь прожила, тем более мне не так мало лет...

Н.Л.: И Вы вырастили двух сыновей, и были мамой, вероятно.

Н.М.: Да, и мамой, и бабушкой, и т.д.

Н.Л.: То есть все социальные роли женские, они уже Вами...

Н.М.: Пройдены.

Н.Л.: Во всяком случае, они апробированы. И поэтому возникает вопрос: вот в Вашей личной жизни как-то были пересечения с теми проблемами, с тем, что решалось в дальнейшем в науке?

Н.М.: Но в общем, так сказать, моя позиция там в науке – в науке в широком смысле слова – конечно, она подпитывалась теми идеями, которые формировались в гендере еще, так, до нас, до нас, вот. Поэтому это очень нормально.

Н.Л.: Какие были интересные проекты, которые решались у Вас вот в Лаборатории гендерных исследований, гендерных проблем, которые были Вами инициированы и по сути...?

Н.М.: Ну, я всегда считаю... я считаю, что, ну, главная моя заслуга в социально-экономических исследованиях – это «Таганрог».

Н.Л.: Что это значит? Когда он был?

Н.М.: «Таганрог» начался во второй половине шестидесятых и вот сейчас, как бы... ну, вот сколько лет? Наверное, почти пятьдесят лет. Вот сейчас мы...

Н.Л.: И как он назывался и какую задачу?

Н.М.: Ну, вот он так и назывался, «Таганрог». Социальный... ну, он... я сейчас скажу. Дело в том, что поскольку вот он протекал или прокладывал свой путь в течение вот этих почти 50 лет, то название менялось, но содержанием являлись вот социальные отношения. Социально-экономические отношения. Но, прежде всего, конечно, отношения там в семье - между мужем и женой, между женщиной и мужчиной.

Н.Л.: В среднем по размеру в российском городе.

Н.М.: Ну, мы в общем... Я скажу, что даже в каком-то смысле не мы его выбрали, поскольку мы... поскольку это исследование было инициировано - как ни странно - в ЦК! Да-да-да, это было очень даже понятно. Они просто хотели знать, что происходит в обществе. Потому что это же был период зарождения социологии, еще не было ни информации, ни исследований, собственно говоря, первый-то социолог был А.Г.Харчев, который в общем вот это все представлял.

Н.Л.: С семьей, то есть.

Н.М.: Да, в том числе. Да, Харчев. Но он как бы первый социолог, я считаю, в то время был. Вот и... Вот наши ведущие, как это сказать, ну, властные органы хотели знать, что вообще происходит в обществе. «Что?! Что мы имеем? Мы, руководители этого общества, какое оно? Что...»

Н.Л.: Женские организации уже существовали в те времена?

Н.М.: Женские организации вот это вот... они начинались только. Только-только зарождались эти женские организации. И даже...

Н.Л.: До Перестройки они тоже были или все-таки их не было?

Н.М.: Ну, нет, Ну, были, были, но были слабые, слабые, а потом после в процессе Перестройки, они очень сильно окрепли, тем более что был очень большой поток с Запада - поток людей, которые вообще хотели посмотреть, что это такое – Советский Союз и «с чем его едят»? Это раз. А, во-вторых, деньги давали в то время. Вот. И на этих, так сказать, ресурсах. Вот.

Н.Л.: И какие аспекты женской темы рассматривались в рамках проекта «Таганрог»?

Н.М.: Ну, вообще говоря, там было у нас пять проектов. Пять... они, значит... Вот этот период – почти там 45 или, сколько там, 47 лет – он делился на вначале десятилетние, а последние там – по пять лет. Когда Перестройка шла, была.

Интересно посмотреть вот, не дожидаясь исхода десятилетнего. Там все! Основные... Ну, какие основные? Это... ну, образование и так далее... Это нельзя сказать, поскольку, в общем, это традиционное: это и занятость, в широком смысле занятость... Это вот, ну, доходы, доходы, потребление, внутрисемейные отношения. Вот, это два - три. Все это в разрезе пола. Затем были... здоровье, опять же.

Н.Л.: Мужчин и женщин.

Н.М.: Да, мужчин и женщин, обязательно. В общем, здесь были сделаны некоторые открытия, которые до сих пор никто не хочет понять и принять, вот, как ни странно.

Я вообще веду очень такой тихий образ жизни, и все, что делается, это я уже прошла это... Вот что сейчас в нашем обществе происходит - это все я уже проходила. Это все я знаю... Где начало и где будет конец. И в чем и...

Н.Л.: Какая-то новая сейчас есть тема, может быть, которая еще не изучалась и которая связана с полом?

Н.М.: А вот мне кажется, что вот, что новое – это отцовство. Вот.

Н.Л.: Которая начата у нас, в наших науках, Игорем Семеновичем Коном?

Н.М.: Вот я не знаю...

Н.Л.: «Мальчик - отец мужчины» - это его книга, которую он, собственно, написал, как взгляд этнолога и антрополога на отцовство.

Н.М.: Ну, дело в том, что я исследований его не знала в этом.

Н.Л.: Он скорее теоретик, поскольку он основывается на том, что сделано другими, на эмпирический материал, собранный до него, не он сам.

Н.М.: Я, во всяком случае, не видела его...

Н.Л.: А Вы, в рамках проекта по отцовству у Вас есть сейчас финансово поддерживаемый проект, который бы позволил собрать этот материал?

Н.М.: Есть. Да, да, Вот между прочим...

Н.Л.: Он вот в «Таганроге» или во всех?

Н.М.: Да вы что, во всех? Мы делаем это сейчас в Карелии.

Н.Л.: В Петрозаводске.

Н.М.: Ну, рядом с Петрозаводском. В Петрозаводске, да. И, кстати, в декабре будет конференция по результатам. То, что мы, значит...

Н.Л.: Здесь, в Москве?

Н.М.: Здесь, здесь. Дело в том, что мы начали это исследование в 2014 году, вот результаты 2014, 2015 и 2016 года у нас будут обобщаться и будем обсуждать. Так что...

Н.Л.: И будет, наверное, потом какая-то публикация.

Н.М.: Ну, конечно, конечно., Конечно, будем публиковать... Вот это мне кажется, что это ново.

Н.Л.: А как Вы думаете: вот эти проекты, наши исследовательские, и Ваши в первую очередь, они как-то влияют на женское движение, на женщин в нашей стране? Или мы существуем сами по себе, в башне из слоновой кости, а женщины и женские организации и все прочее – как-то где-то отдельно?

Н.М.: Дело в том! Дело в том, что на первом этапе, на первом этапе, то есть, в конце 1980-х и в начале 1990-х, можно сказать, они активно влияли. Просто поскольку это было внове. Во-вторых, вот я говорю, что был большой поток людей, которые приезжали с Запада, и в-третьих, потому что деньги... были поступления оттуда. Вот. Но это не прошло даром! Потому что... потому что вот внизу, так сказать, на уровне образования, ну и отчасти науки, было много сделано – людьми просто. Какие-то проводились обследования, обсуждения там, даже были диссертации... Как они называются? В общем и низкого, и более высокого, кандидатские и докторские диссертации были. Вот центры такие. Очень много всяких организовывалось, всяких центров. Защиты женщин. Вот.

Н.Л.: То есть наши исследования таким образом были толчком тогда для создания...

Н.М.: Очень. Очень. Вот эта книжка была издана в 1996 г., то есть это почти там пять лет прошло ... и по ней можно просто посмотреть, куда толкнули, как толкали вообще вот эти гендерные исследования, вообще вот эти гендерные теории, гендерные исследования - что они сделали. Конечно, они расшевелили...

Н.Л. Общество.

Н.М.: Общество в этом смысле, да, расшевелили. Хотя... хотя потом уже, в нулевых, даже за, нулевых годах и т.д., вот когда пришли новые... новые силы, они не хотели это ни знать, ни понимать. И это всем им было не нужно.

Н.Л.: Как Вы думаете – вот то, что гендерные исследования так быстро и в геометрической прогрессии просто, публикации росли и развивались в 1990-е годы – это связано с финансовой поддержкой с Запада?

Н.М.: Нет, я думаю, что это... вот это в значительной мере это было связано с тем, что людям было интересно посмотреть новый взгляд на общество. Вот новый взгляд на общество, новая – я уже это диктовала - новая терминология, новые оценки отношений в обществе.

Н.Л.: Почему сейчас мы не можем молодежь мотивировать, увлечь этим? Почему сами мы вот в девяностые годы хотели этим заниматься и мы чувствовали, что это нам важно самим, для решения каких-то наших вопросов, личных, исследовательских, там профессиональных, женских, каких угодно? А современная молодежь более прохладно относится?

Н.М.: Ну, мне кажется, что это уже менталитет меняется же.

Н.Л.: У общества.

Н.М.: Да, у общества меняется менталитет. Сейчас, Вы знаете, молодежи нужно все и сразу. Это известный факт. Вот, Вы же знаете Наташу Винокурову?

Н.Л.: Конечно.

Н.М.: Ну да. Вот она, значит, это самое, ну, она провела какое-то исследование по оценке деятельности молодых ученых. Да, да, да. Ну вот. Значит, очень печально я смотрю на это поколение! Вот.

Но я веду – вот я скажу – я такой... веду сейчас такой спокойный, тихий образ жизни, ну, потому что все прошло уже. Ничего, вот кроме этого отцовства, которое для меня почти все внове – хотя я скажу, что нет...

Н.Л.: А идея Ваша была? Откуда взялась идея про это, про отцовство?

Н.М.: Нет, эта идея была... пришла из Штатов. Они сделали такой доклад по миру «Отцовство в современном мире»...

Н.Л.: Но там не было России.

Н.М.: Не было. Не было, да вот, А теперь мы, значит, в общем вот делаем сейчас Россию. Отцовство в России. Вот но, Вы знаете, они... это вот, это новый, конечно, шаг, вот это отцовство и так далее, но, может быть, потому, что в значительной мере, даже есть какой-то поворот у молодежи вот сейчас. Потому что, кто хотел все и сразу – они уже уехали. Вот. И остались те, которые вообще понимали, что все и сразу – это еще не исчерпывает значение, так сказать, научных исследований, а кроме того, это и... ну, как бы, ну, продвигает вообще всё наше.

Кстати, я же все время общалась и с Посадской, и с Наташей особенно, Захаровой, и она все время говорила: «гендер», зачем «гендер»?» Здесь уже был такой разговор, в начале первого десятилетия XXI в... Вот и... А я с ней... ну, когда я с ней говорю, она: «Наталья Михайловна, ну как же вообще, там же каждый год бывает, это все страны приезжают, и рассказывают, а в России как будто ее вообще нет...» Вот. Ну, я говорю: «Конечно, но дело... это уже вообще не мои задачи, не мои проблемы». Меня все-таки интересуют всегда новые шаги в науке. Вот я считаю, что сейчас новый шаг – это отцовство. Хотя вот я прочла тот доклад Всемирный, по миру отцовство – ну, все равно лейтмотив этого доклада – это гендерные отношения. И все время этот рефрен повторяется. В каждом разделе и в каждом заключении вот, что вот это проблема гендера все равно. И никуда от него в общем...

Н.Л.: А как можно... Вот как Вы думаете... Да, я с Вами согласна. А как можно наши исследования сделать как бы более понятными для представительниц женских организаций, женского движения, как нам сблизиться с самими теми, кто реализует политику и для кого мы это, собственно, и пишем. Потому что иначе мы пишем для самих себя, для собственного профессионального сообщества. Как выйти за рамки его и сделать популяризацию?

Н.М.: Ну, это проблема. Это проблема. Это проблема изменения менталитета. Все-таки. Вот все что происходит в этом обществе...

Н.Л.: Но если неоконсервативный поворот в начале двухтысячных годов, как нам достучаться? Одно дело – в девяностые годы, когда мы были ориентированы по-другому, и поэтому можно было... и наши исследования, мы видели, что они как бы меняют образ мыслей у молодежи, у студентов, которым мы читали лекции. А сейчас, когда со всех экранов телевизоров, передачи там, лекционной работы идет как бы такая консервативная тема и вроде как профессия женщины – это семья. А вот. И это разными способами повторяется в фильмах, ну, в художественных я имею в виду, в литературе и т.д. Очень сложно навязывать или, скажем другое слов, излагать другую точку зрения.

Н.М.: Исключительно - сила науки. Больше ничего.

Н.Л.: Вы верите в ее свет? В то, что она способна...

Н.М.: Я - верю. Я верю. Но просто я это наблюдала, я наблюдала. Хотя, конечно, чем дальше, тем все сложнее. Вот я Вам хотела сказать, что мы сделали некоторое открытие, которое в общем как бы не всеми воспринимается, вот. Это открытие такое, что если вы берете здоровье мужчин и женщин, то, ну, как известно, что мужчины живут меньше, а вот женщины живут дольше. А вот. Но я это называю стратегическое здоровье. А есть тактическое здоровье, здоровье которое, вот например, у женщин и мужчин в тридцать лет. Какая разница? Здоровье женщин и мужчин в 40 там, 50, 60 лет. И оказывается, что вот это тактическое здоровье (здоровье, зависящее как бы от возраста) - сегодня оно у женщин хуже, чем у мужчин.

Н.Л.: Почему?

Н.М.: Тут очень много биологических и социальных факторов, много. И поэтому...

Н.Л.: Извини, какие?

Н.М.: Ну, например, биологические факторы – это факторы, которые определяют роль женщин в популяции. Женщина же сохраняет свою популяцию. Вот. И в этом смысле она как бы более устойчивая должна быть. Да. Это биологические факторы. Но есть социальные факторы, а социальные факторы какие? Что мужчина ведет такой, не только образ жизни, но и социальный образ, что он вообще хуже... он занимает плохие места там рабочие и все это, он ответственность имеет перед семьей, он меняет здоровье на доход. Трансформирует здоровье в доход. В отличие от того, что на Западе, например... На Западе, например, доход трансформируют в здоровье. А у нас...

Н.Л.: Растрачивают здоровье...

Н.М.: Да! Для того, чтобы... Для того, чтобы... Это было конечно в 1990-е годы особенно ярко и видно было. Поэтому, когда сегодня говорят: «не надо. Почему это женщины в 55 лет уходят на пенсию, а мужчины в 60». Я уже много-много

выступала и много писала всяких текстов и т.д., и говорю... где излагала, что нельзя это сегодня изменить. Потому что мы если продлим период производительной жизни женщины, то мы не выиграем ничего: она просто будет болеть и умирать еще быстрее, чем, так сказать, чем мужчина. Потому что она организована и образована в лучшей мере вот сегодня в России. Это не то, что значит во всех странах мира. Но таким образом чтобы в общем она дольше не... то есть, раньше не выходила на пенсию - просто это не получится. Мы будем иметь большую инвалидность, она и так у нас очень большая сегодня. И будет еще больше. А может, и есть вот...

Н.Л.: Если повысят пенсионный возраст для женщин?

Н.М.: Да, да, да, да, да.

Н.Л.: То есть никаких социальных проблем не решим, а только вот...?

Н.М.: Абсолютно ухудшим ситуацию, со всех точек зрения.

Н.Л.: Ну, с этой точки зрения, конечно, наши проекты влияют на общество, влияют на те проблемы, которые этим обществом рассматриваются. А Вы полагаете, что деятельность Лаборатории гендерных проблем была связана с женским движением в нашей стране?

Н.М.: Ну, конечно, а как вообще иначе? Они же потом, как все грибы выросли. Да, да, да. Во всех городах. И в общем, так сказать, мы общались, и какие-то совместные....

Н.Л.: А можно сказать, что в начале 2000-х в связи вот с теми трансформациями политической жизни страны, которые произошли повсеместно у нас, уменьшилось количество этих центров, многие из них закрылись... Если Вы в курсе вот этого процесса, то что лежит в его основе? Отсутствие интереса к этим темам, отсутствие финансирования? То есть, какие...

Н.М.: И то, и то. И то, и то. Этот процесс имеет место. То есть, вот эти женские организации... их численность уменьшается. Уменьшалась, и сейчас уменьшается. Вот, но...

Н.Л.: А Ваша лаборатория сохраняет численность так же, как и 20 лет тому назад?

Н.М.: Да, если не увеличивается.

Н.Л.: Даже увеличивается.

Н.М.: Потому что сейчас у нас это... вот этот новый проект, связанный с Карелией. Вот и мы там... Семья, семья и гендер, насилие в семье.

Н.Л.: В основном экономисты и демографы объединены в этой...

Н.М.: Да. Да, да, да. Ну, отчасти, может быть, социологи. Не знаю... Мало.

Н.Л.: А сейчас это как-то финансируется российскими фондами или...?

Н.М.: Нет, нет, нет.

Н.Л.: Только зарубежными.

Н.М.: Зарубежными, да.

Н.Л.: То есть, заказчиком все равно является другая страна. Не наша.

Н.М.: Да нет. Да они даже не столько заказчиками являются, сколько, ну, хотят сравнивать.

Н.Л.: Если они включили в проект, то заказчики они.

Н.М.: Ну, может быть. Может так... Но они просто хотят сравнивать, вот что происходит у нас, что происходит в Штатах, что в Англии и т.д. Вот где эти... где эти... Но сейчас, знаете, очень модны всякие – что такое счастье.

Н.Л.: Как оно понимается в разных...

Н.М.: Да, да, да, в разных странах... Но у нас это трудно получить деньги.

Н.Л.: Вот и в нашем проекте: как мы понимаем феминизм, и понимаем ли его, и считаем ли его нам понятным, привычным или отнюдь нет? Как Вы думаете, а западные женские организации как-то связаны с подобного рода исследованиями, допустим, как вот Ваш современный Петрозаводский проект? Или тот, который был Таганрог? То есть зарубежные женские организации – они были заинтересованы в получении результатов Ваших исследований?

Н.М.: Давно нет у нас контактов. Нет, нет. Давно, давно, давно нет контактов.

Н.Л.: Только в девяностые годы.

Н.М.: Да, в девяностые годы, как раз в период вот этой самой «перестройки», вот это как-то была какая-то активность. Отчасти, знаешь, Раиса Горбачева – она, ну, какой-то вклад внесла в эту ситуацию, вот, и со мной общалась и, так сказать...

Н.Л.: А с какими научными организациями у Вас сейчас контакты? Вот в связи с этим проектом по отцовству?

Н.М.: По отцовству? Ну вот, значит, ну, есть такая организация SIDA. Это в Швеции. Есть фонд такой. Вот. Но они... я не знаю там, вся их сфера какова, но вот они...

Н.Л.: Вот которая демографов объединяет?

Н.М.: Нет, нет, просто да. Они отчасти финансируют вот эти проекты. Эти проекты не только вот наши, но вот в Петербурге есть, значит, проект, и еще где... Я не знаю даже. Я не очень сейчас... Знаешь, как вши... Скорее, глуп...

Н.Л.: То есть, сколько же человек у Вас занимаются сейчас вот этим проектом по отцовству...?

Н.М.: Не очень много. Сейчас скажу. Наверное, ну вот у нас в лаборатории, наверное, человека 4. И в Карелии. Там три тоже человека, которые являются организаторами. Но там они... «поле» же у них, «поле», «поле» поэтому требует просто особого....

Н.Л.: То есть, Ваша задача провести исследование, написать отчетный доклад, перевести его на английский, и...

Н.М.: И сдать.

Н.Л.: И сдать.

Н.М.: И сдать. Да, да, да. Ну, не знаю. Посмотрим, как...

Н.Л.: То есть, здесь не ставится ли задача практического решения каких-то вопросов? Это только исследование, да?

Н.М.: Вообще да. Вообще да. Вообще да. Какие тут могут быть практические...?

Н.Л.: А вот на протяжении существования Лаборатории гендерных проблем были ли такие проекты, которые выходили на практику, когда от вас ждали именно рекомендаций по решению каких-то вопросов?

Н.М.: Ну, а как вообще иначе?! Как... На основе политических решений? А на основе чего они могли приниматься? Какие-то они должны были или какой-то сок откуда-то брать! Вот. Конечно, это мы давали. Но они же... знаете, от «на тебе!» до «вот тебе!» – дистанция огромного размера. Вот и поэтому, не знаю... Вы же знаете, что одно дело – сформулировать, одно дело – обосновать, одно дело – продвинуть... продвигать... А потом решение – совсем другое оказывается.

Н.Л.: Тогда другой аспект хочу напоследок еще обсудить. Это вопрос о том, как разделяют мужчины в Вашей семье, ну вот теперь уже Алексей или Ваше младшее поколение – разделяют ли они вот этот интерес к гендеру и т.д.?

Н.М.: Нет, нет, нет, нет, нет, нет.

Н.Л.: Ну и ставилась задача с этим.

Н.М.: Нет, никакой. Я их не очень включала в свою, так сказать, личную жизнь. Это сложно...

Н.Л.: Это сложно.

Н.М.: Это сложно, да.

Н.Л.: Но тем не менее, все-таки, наверное... А Ваши ученицы? Они считают свою жизнь связанной именно с задачей популяризации вот результатов тех исследований, которые делают в исследовательских проектах? Донесения их до широкой публики?

Н.М.: Не знаю. Нет. Ну, дело в том, что все-таки вот, ну, так сказать, этот самый гендер, он же... так расположился некоторым образом... во времени. Во времени. И на каждом, так сказать, этапе там были свои в этом смысле подвижки, или

задачи, или что-то такое. Вот. Но мы же все меняемся, вот, и возраст наш меняется вместе с изменением вот исследовательских... самих исследовательских проектов, как ни странно. Вот. Это я вообще увидела это вот... Мы же сейчас вот проводили, в 2014 последний «Таганрог» как бы провели. Вот. И вот сейчас мы так все это там и поле сделали, и в общем все там обобщили, и все будем издавать тоже. Но непросто это вот было. Во-первых, проводить непросто, во-вторых, анализировать непросто, и те, кто раньше участвовал, уже их нет, а те далече, так что в общем были трудности какие-то. Но ничего. Я считаю, что мы все-таки преодолели эти трудности, и в общем вот в этом году мы, ну, хотим или надеемся получить грант на издание этого последнего «Таганрога». Последнего в кавычках, конечно.

Н.Л.: И там в очередной раз сравнение мужских и женских жизней и в семейном разрезе, и в плане профессиональном и...

Н.М.: Ну, это так... обязательно. Да, да.

Н.Л.: Это интересно, это важно. А как Вы думаете, как воспринимаются подобного рода исследования нашей жизни на Западе? Они... Прежде всего, в Америке, ведь они чаще всего заказывают нам подобного рода тематику?

Н.М.: Честно говоря, я давно уже... я... я давно не ездила. Вот. Все в основном через Наташу, которая вот в ООН. Вот. На этих конференциях ООНовских. Отчасти через Асю – Ася тоже сейчас там, в этом Центре, который там организован, да, вы знаете, в ООН. «Женщины ООН». Вот. Но, честно говоря, не знаю, меня это не очень...

Н.Л.: Как исследователя.

Н.М.: Волнует. Хотя я все время говорю, что мы не можем совсем от этого абстрагироваться. Это невозможно, мы же в глобализированном обществе находимся.

Н.Л.: Но при этом контакты сейчас затруднены?

Н.М.: Затруднены, да.

Н.Л.: И поэтому многие говорят, что было легче в девяностые годы, то сейчас стало гораздо сложнее.

Н.М.: Гораздо сложнее. Да.

Н.Л.: Но, тем не менее, смотрите с оптимизмом в будущее? Будет ли интересна эта тематика, гендерная тематика в дальнейшем, как Вы думаете?

Н.М.: Я думаю, что да, просто дело в том, что надо найти какой-то поворот. Вот. На развилке надо найти новый поворот. Вот мне кажется, что...

Н.Л.: Раз Вы чувствуете какие-то новые темы – что может оказаться актуальным в ближайшее время, если мы занимаемся вот этими гендерными исследованиями?

Н.М.: Что может быть...

Н.Л.: Что может быть интересным?

Н.М.: Вы знаете, я вообще... я вообще очень большие надежды, вот сейчас, так сказать, надежды ожидаю на «гендер и здоровье». Потому что я считаю, что мы просто в такой яме находимся в этом смысле, что вот надо найти, как это... Пока мне не понятно как это, как это, как это...

Н.Л.: То есть пересечение с валеологией, то есть, общей теорией здоровья?

Н.М.: Да, да, с здоровьем. Да, да, да! Вот. Ну, не знаю, пока... Я сейчас вот это... меня захватило это отцовство. Потому что это же реальность – отцовство. И самое главное, Вы знаете. Мы сейчас эту конференцию организуем, ну, организуем – и в декабре – уже там появилась Лахова. Значит...

Н.Л.: Значит, эта тематика волнует политический бомонд.

Н.М. Да, да, да, да, да. Вот она везде было тихо, тихо, тихо, нигде ее не было слышно. А сейчас вот она появилась и хочет участвовать у нас активно. Вот. Ну, вот я думаю, что это не случайно. Не случайно.

Н.Л.: Это не случайно, но мы пока не видели «call for paper» от Вашей, вот этой конференции.

Н.М.: Но еще нет этого.

Н.Л.: Как только будет информация, мы будем рады в нашем Институте этнологии и антропологии, тоже держать...

Н.М.: Ну да. Но дело в том, что я думаю, что мы это обязательно сделаем, потому что я же – председатель Совета, ну, Вы знаете, по гендерному чему-то там, не знаю, чему. Так что в общем у нас есть основания, чтобы увидеться, встретиться.

Н.Л.: Спасибо большое, Наталья Михайловна, за сегодняшний наш разговор с Вами.

Н.М.: Да, да, да.